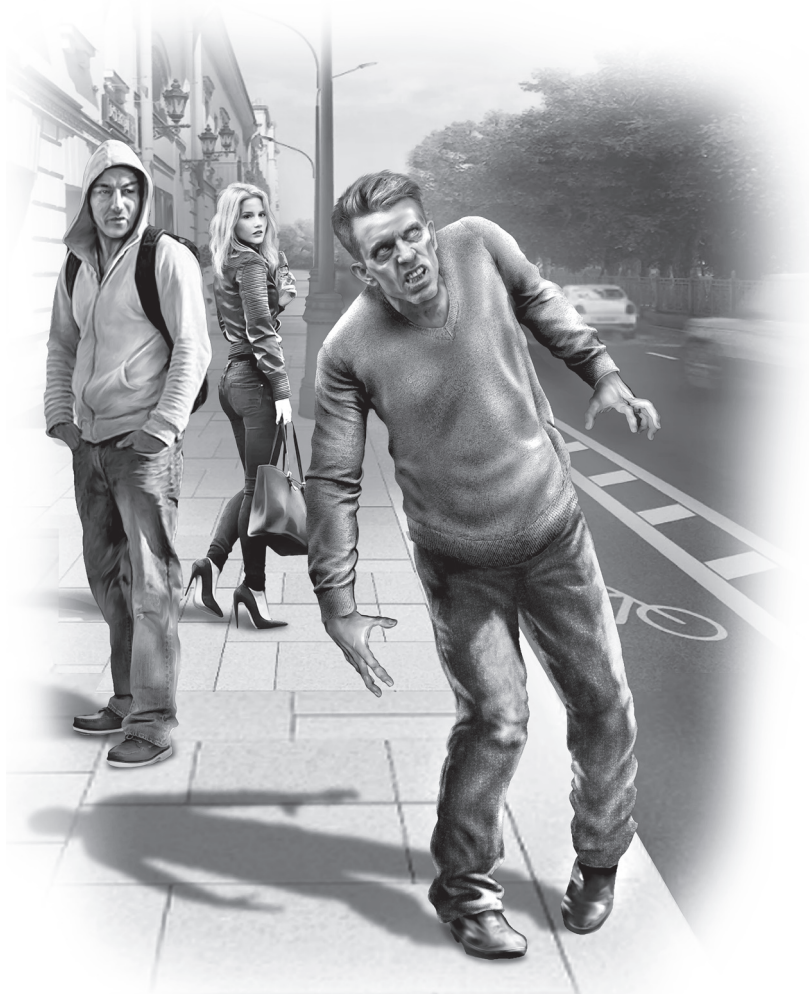

КАПИТАНЫ
РУССКОЙ
ФАНТАСТИКИ

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН

ЭПИДЕМИЯ

Ростов-на-Дону

«Феникс»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1
КТК 650
Л84

Иллюстрации: Игорь Приходкин

Лукин, Евгений.

Л84 Эпидемия : [повести и рассказы] / Евгений Лукин. — Ростов н/Д : Феникс, 2024. — 332 с. : ил. — (Капитаны русской фантастики).

ISBN 978-5-222-39920-0

В новый авторский сборник замечательного отечественного писателя-фантаста вошли повести «Рядовой Леший», «Тихушники», «Приблудные» и подборка рассказов. Проделки нечистой силы, телепортация, путешествия во времени и настоящий конец света... Невероятно остроумные, во многом пророческие и зачастую пугающие произведения автора не оставят равнодушным ни одного настоящего ценителя фантастики и просто хорошей литературы. Большая часть произведений, вошедших в сборник, публикуется впервые.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

ISBN 978-5-222-39920-0

© Оформление: ООО «Феникс», 2023
© Текст: Евгений Лукин, 2023
© Иллюстрации: Игорь Приходкин, 2023
© В оформлении обложки
использованы иллюстрации
по лицензии Shutterstock.com

РЯДОВОЙ ЛЕШИЙ

Ретро

*И мы все время шли великой чащей,
Я разумею — чащей души людских.
Данте Алигьери*

ГЛАВА 1

Приняли мы с Лёхой Лешим второй самосвал, прилегли на мелкий тёплый щебень, раскурили одну «приму» на двоих. Лежим, смотрим в небо. В азиатское, серое от зноя небо.

— А знаешь, — задумчиво признался он вдруг, — я ведь и впрямь леший...

Шел 1974 год. Смартфонов в ту пору еще не изобрели, библиотеки в дивизионе не было, телевизор «деды» нам после отбоя смотреть запрещали, вот и приходилось развлекать друг друга небылицами. Роль рассказчика обычно доставалась мне. Лёха — тот больше молчал да слушал. А тут, глянь, и сам до байки дозрел!

— Нечистая сила, что ли? — понимающе ухмыльнулся я.

— Ага...

— Как же тебя в армию забрали? Или теперь и леших гребут?

— Да тут, видишь, какое дело... — сказал он, побряхтев. — Подстергли меня однажды двое наших...

— Каких это ваших?

— Н-ну... леших...

— Та-ак... И что?

— Отметелили, связали и бросили. Прямо там, на опушке...

Я докурил по-честному до половины и отдал сигарету Лёхе.

— Вот суки! — посочувствовал я. — А с чего это они?

Ответил не сразу, затянулся неспешно пару раз.

— Да я у них салабоном считался. Ста лет еще не исполнилось...

— Гляди-ка! Выходит, в лесу тоже дедовщина?

— А то нет, что ли? — хмуро отозвался он. — Связали, оставили... День лежу, второй лежу...

— Погоди, не выбрасывай! — всполошился я. — Там еще затяжки на две! Вынул из панамы иголку, отобрал чинарик, наколол его сбоку (пальцами-то уже не ухватишь), поднес ко рту.

— Лежу, — повторил Лёха еще мрачнее. — Ну все, конец мне, думаю... Последняя затяжка опалила губы.

— Погоди, — перебил я, стряхнув с иголки огонек и отправив ее на место. — Как это конец? Лешие разве не бессмертны?

— Да так, знаешь... Если обездвижить надолго, деревенеть начнет, усыхать...

— Окаменелостью, что ли, станет?

— Нет. Не окаменелостью. Корягой. Я ж говорю: деревенеет...

— Насовсем, или...

— Бывает, что и насовсем.

С невольным уважением покосился я на рядового Лешего. Не ожидал я от него столь грандиозной, а главное, столь подробной и достоверной залепухи.

Честно сказать, в карантине он казался мне обычным деревенским валенком. А потом, когда нас уже в дивизион распределили, — то ли привык я к нему, то ли сам Лёха схватывал все на лету, но и речь у него стала посложнее, и фантазия, как видим, разгулялась. Ну да с кем поведешься...

— Так чем дело кончилось?

— Повезло мне! Смотрю: идет через опушку парень. Грустный такой, башка стрижена... Окликнул я его. Помог, говорю, добрый человек, развяжи... Что хочешь для тебя за это сделаю!

— А он?

— Спрашивает: ты кто? Леший, говорю. А он мне: да нет, это я Леший.

— Та-ак...

— Ну фамилия у него была — Леший!

— Да я понял. Развязал он тебя?

— Развязал. Теперь, говорю, проси что хочешь. А у него, слышь, глазенки вспыхнули. Отслужи, говорит, за меня в армии! Я, конечно, прибалдел сперва, потом прикинул, думаю: ну а что? Два года — это ж не двадцать пять лет! Это раньше при царе четвертак служили. Скорчил его морду, забрал паспорт — и на призывной пункт. Так вот сюда и попал...

— Лёха... — выговорил я с восхищением. — Слушай, Лёха... Как дембельнешься, начинай романы писать. Большие деньги заработаешь... Нет, кроме шуток...

Тут я заметил, что рядовой Леший не слушает. Вернее, слушает, но не меня.

— Лежи не двигайся, — тихо предостерег он.

Я приподнялся на локте и оглядел окрестности. Чуткий Лёха, как всегда, не ошибся: со стороны радиотехнической батареи к нам приближалась опасность в лице рядового Горкуши. Сапоги у рядового гармоникой, рукава закатаны по локоть, бляха ремня сияет в области детородных органов, тулья панамы промята на ковбойский манер.

Я встал. Не на вытяжку, понятно (это уж было бы чересчур), но и оставаться в горизонтальном положении также не стоило.

— Ну не падлы, а? — плаксиво спросил рядовой Горкуша, подойдя вплотную и устремив на меня синие горькие — под стать фамилии — глаза.

— Так точно! — отрапортовал я. — Падлы, товарищ старослужащий!

А сам все ломал голову: почему это он до сих пор не обратил внимания на лежащего рядом Лёху?

— «Дедушку»! — трагически вскричал рядовой Горкуша. — «Дедушку» во внутренний наряд! Дневальным! На тумбочку! Со штык-ножом!.. Это что?

— Бардак, товарищ старослужащий!

— Кровь пьют шлангами! Хрящ за мясо не считают!

— Так падлы же!.. — истово поддакнул я.

И смягчился рядовой Горкуша, подобрел.

— Ну ты все понял, да? — уточнил он на всякий случай.

Полагаю, выражение глубокого искреннего горя оттиснулось на моих чертах вполне убедительно.

— Так точно, понял! А заменить не смогу. Заступаю в караул. Первый раз.

Рядовой Горкуша был потрясен услышанным. Даже снял зачем-то панаму. Костлявый, кадыкастый, бледный, какой-то весь вывихнутый, стриженный под ноль... Огляделся в поисках другой жертвы. Но нет, никого не видеть. Кругом поросшие верблюжьей колючкой унылые серо-зеленые бугры, да белеет вдали бетон пятого капонира.

— А где этот... Леший?

Я осторожно покосился на Лёху. Тот лежал неподвижно и смотрел на меня. «Молчи», — прочел я в его глазах.

— Был здесь... — осторожно соврал я. Впрочем, почему соврал? Действительно ведь был здесь. И есть.

— А теперь где?

В недоумении я развел руками:

— Лопата — вот...

Лопата валялась в полуметре от Лёхи.

— Найду — дыню вставлю, — кровожадно пообещал Горкуша. — Поперек!

Нахлобучил панаму и двинулся сердито-расхлябанной походкой в сторону стартовой батареи. Рядового Лешего он там, разумеется, не встретит. А значит, стоять на тумбочке со штык-ножом суждено рядовому Клепикову — он сейчас возле курилки верблюжью колючку вырубает.

Лёха тем временем шевельнулся.

— Говорил же: лежи не двигайся... — упрекнул он.

— Как это ты?..

— Молча!

— Да я заметил, что молча... Ты что, глаза отводить умеешь?

Лёха вздохнул:

— Когда-то умел...

— Эх ни хрена себе! А сейчас это что было?

— А сейчас, видишь, замереть пришлось. Вот если бы в лесу... Там хоть пляши — никто не заметит. А тут чуть шевельнулся — вмиг углядят!

— То есть в лесу, значит, попроще...

— Ну а как же!

— А ты не из цыган, Лёх?

— Из леших я...

Тут со стороны солдатского городка подкатил третий самосвал — и взяли мы снова за лопаты.

* * *

С этого дня мы с Лёхой как бы поменялись ролями: уж больно показалась мне интересной эта наша новая игра в лешего. Я спрашивал — он отвечал. Я его ловил на вранье, а он выкручивался. И выкручивался, доложу я вам, виртуозно.

Следовало, правда, выбирать для таких бесед место и время. А то, помню, перепугали однажды чуть не до полоумия «шнурка»-узбека из нашего призыва. Послушал он нас, послушал, потом вскочил с груди только что разгруженного щелбня и жалобно закричал:

— Д-дураки!..

И кинулся прочь.

С тех пор поостереглись. Если и развлекались подобным образом, то наедине, без лишних ушей.

— Значит, говоришь, скорчил ты его морду... И сейчас тоже корчишь?

— Да как тебе сказать... Привык за два месяца. Вроде приросла...

— Ладно! А кого-нибудь другого скорчить — слабо? Рядового Горкушу, к примеру...

— Ну его на фиг! — По-моему, Лёха даже содрогнулся слегка, представив такую попытку.

— Хорошо, не Горкушу... — поспешил исправиться я. — Меня давай.

— Я что, за всех служить подряжался? — вспыхнул он. — Мне вон одного Лёхи Лешего за глаза хватает!

— Нет, ну я ж не прошу тебя в самом деле прикинуться! Я спрашиваю: можешь или нет?

— Да хрен его теперь разберет... — отвечал мне с тоской рядовой Леший. — Иногда кажется: совсем разучился. После карантина напрочь все отшибло. Даже пробовать боязно...

— А вообще трудно служить? — сочувственно спросил я.

— А то сам не знаешь!

Забаву пришлось прервать. Дверь столовой открылась, и вошел старшина Лень. Оглядел столы с перевернутыми лавками на них.

— Не понял!.. — взмыл его звонкий зловеще-ликующий голос. — Это что за пол такой? Вы его мыли, нет?

— Два раза перемывали, товарищ старшина!

— Хреново перемывали! Тряпку в зубы — и вперед!

Вышел.

Пол взбрызнули и протерли. Главное — что? Главное, чтобы линолеум влажный был и блестел.

Вот в казарме, когда дневалишь, там сложнее. Собственно, казармой нам служил старый ангар с четырьмя рядами шконок, финской дизельной печкой и черно-белым ламповым телевизором на сваренной из арматурин подставке. А самое грустное — полы в ангаре были бетонные. Вымоешь разок с хлоркой — и кожа на пальцах становится, как у девочки, тонкая и прозрачная.

— Лёх, — продолжал допытываться я, — а какой ты на самом деле был? В лесу...

— Да какой хочешь! — буркнул он. — Без разницы...

— Ага... — пробормотал я, соображая. — То есть в кого пожелаешь, в того и перекинешься... А сила откуда? Деревья, небось, помогали?

— Да в основном деревья...

— А у нас тут, значит, ни деревца... Одна верблюжья колючка, так?

— Так...

— Нет, но перед казармой-то — акации!

— А толку? Они ж тоже на территории!

— Понял... То есть нужны не просто деревья, а гражданские деревья?

— Н-ну... в общем... да.

— Погоди! А за территорией? Там же колхозные виноградники, сады...
Тоже ведь растительность! Или это не то?

— Может, и то... — уныло ответил он. — А как туда попадешь?

— Через дырку.

— А «деды» узнают?

Да, верно... Пока не отслужил хотя бы полгода, о дырке и думать забудь.
Высокое право на самоволку надо еще выстрадать.

* * *

Случай нам представился всего пару дней спустя. Сидели в курилке перед ангаром и при этом, обратите внимание, не курили, что в глазах окружающих равнозначно уклонению от исполнения воинских обязанностей. Невесть откуда возник смутно знакомый старлей.

— Вы двое, — определил он и направился в сторону КПП.

Мы, понятно, последовали за ним.

— Со мной, — бросил он дежурному.

Так впервые за два месяца мы оказались «на гражданке».

Достигли поворота и увидели заглохший невоенный грузовичок с какой-то подержанной мебелью в кузове. Поднажали втроем, подтолкнули. Грузовичок завелся, зафырчал. Старлей тут же забрался в кабину к шоферу и уже из окошка сообщил:

— Свободны. Долóжитесь на КПП.

И подумали мы: а почему бы нам не дать крюка́ и не пройти через виноградник?

Ах какой это был виноградник! Дамские пальчики вполне мужского размера. Кисловат еще, правда, но сойдет. Я подумал и сорвал гроздь — поменьше, чтобы успеть слопать все по дороге. Лёха последовал моему примеру.

— Ну и как? — осведомился я, гурманствуя. — Способствует растительность?

— Чему?

— Способностям!

Рядовой Леший хотел ответить, но не успел — нарвались мы с ним на приключение. Из-за шпалеры вышел навстречу нам смуглый юноша в тубетейке и с берданкой за плечом.

— Замер! — негромко скомандовал Лёха — и я замер.

Сторож моргнул и отшатнулся, уставившись туда, где только что стояли два мародера в военной форме, а теперь вот взяли вдруг да исчезли. Потом

скинул с плеча свою одностволку и принялся озираться. Я, честно сказать, струхнул. Сейчас пальнет куда попало... А ну как в нас!

Рядовой Леший медленно поднял руку, опустил, всмотрелся в испуганно мечущиеся карие глаза, потом повернулся ко мне и, кивнув, двинулся в обход ошарашенного туземца. Я, понятно, за ним.

— Гляди-ка... — подивился Лёха, когда мы, выбравшись на бетонку, перевели дыхание. — И вправду ведь способствует...

— Кто?

— Растительность...

У меня, признаюсь, екнуло под ложечкой. Тут уже, простите, не игра, тут уже чертовщина какая-то начинается. К счастью, вспомнилась читанная когда-то статейка об уличном гипнозе. Все-таки, наверное, Лёха из цыган — там у них в таборе, по слухам, еще и не такое проделывают. Да и фамилия какая-то вроде цыганская...

ГЛАВА 2

Да наверняка цыган! Уже на следующее утро подпитавшийся от гражданской растительности рядовой Леший начал, попросту говоря, наглеть. Скажем, по команде «подъем» положено одеться и занять свое место в строю за сорок пять секунд. Так вот, надо было видеть, с какой теперь солидной обстоятельностью экипируется мой друг Лёха. «Деды» и те уже построились, поверка вовсю идет, а он еще только верхнюю пуговицу застегивает. Неспешно этак...

Жутковатое, между прочим, зрелище. Одно дело, согласитесь, отвести глаза рядовому Горкуше или там сторожу с берданкой, но чтобы всей казарме...

И главное, никто ничего не замечает! Кроме меня.

Кстати, а почему? Почему я Лёхины проделки вижу, а остальные — словно ослепли? Спросил его об этом.

— Могу и тебя обморочить, — невозмутимо предложил он. — А надо? Да нет, пожалуй, не надо.

— Слышь, Лёх! А если б ты его обманул?

— Кого?

— Ну того, кто тебя развязал! Взял бы и не пошел в армию...

— Ну так... Уговорились же!

— И что?

Задумался Лёха.

— Нет, ну... — неуверенно начал он. — Узнáют — слава пойдет...

— Кто узнает? Другие лешие?

— Ну да...

— Так они уж тебя и так отметелили, связали... чуть корягой не сделали!.. Чего терять-то?

Совсем смешался Лёха. Но опять-таки вывернулся.

— Нет, — решительно сказал он. — Совестно как-то... Он меня выручил, а я вдруг... Нет. Да и Родине долг отдать...

Услышав про долг Родине, я не выдержал и заржал, причем долго не мог остановиться.

По-моему, Лёха обиделся.

* * *

А потом выпал на нас майор Карапыш, замполит дивизиона. Портрета его я здесь приводить не буду, поскольку портрет в точности соответствовал фамилии. Карапыш — он и есть Карапыш.

Хотя нет, вру. Никак это не могло случиться потом. Случилось это как раз перед нашей вылазкой в виноградники. Поймал нас политрук на плацу, поставил по стойке «смирно» — и приступил к перевоспитанию. Зловеще, с присвистом:

— Вы что творите? Ваши отцы кровь на войне проливали, а вы тут религиозную пропаганду разводите! Кто из вас леший?

Какая ж это, интересно, сука стукнула? Не иначе тот «шнурок»-узбек.

— Я, товарищ майор!

Ошалел Карапыш. Не ожидал он столь прямого, а главное — бесстыдного ответа. Видя, как начальство хватается воздух ртом, я сообразил, что мы рискуем лишиться нашего замполита, и пришел на выручку:

— Фамилия у него такая, товарищ майор! Леший.

Лёха поспешно полез в нагрудный карман френчика и предъявил в доказательство военный билет.

Карапыш ошалел повторно.

А на следующий день мы, как я уже рассказывал, посетили колхозные виноградники — и больше к Лёхе политрук не цеплялся ни разу.

Зато прицепился однажды ко мне. Конечно! Коли не владеешь уличным гипнозом, всяк норовит обидеть...

— Надо нарисовать плакат, — поставил он меня перед фактом.

— Товарищ майор, я не умею.

— Нет такого слова в армии — «не умею». Какое у вас образование?

— Незаконченное высшее, товарищ майор!

— В школе преподавали?

— Так точно, товарищ майор! В сельской.

— Ну вот! А чего ж вы тогда?

У меня был только один выход, и я им воспользовался: решил выполнить работу хуже некуда. Старался как мог. Клянусь, даже из-под кисти Остапа Ибрагимовича Бендера не выползло ничего более уродливого: буквы крепнулись в обе стороны, наезжали друг на друга и тут же разбегались навсегда. Для вящей убедительности текст изобиловал помарками, кляксами и грубыми орфографическими ошибками. Я бы даже сказал, цинично грубыми.

— Ну вот! — жизнерадостно вскричал майор Карапыш, увидев мое творение. — А говорил: «не умею»!

И приказал повесить это убоище на стенд.

* * *

Проснулся я, как всегда, минут за пять до утренней пробудки, только вот с ощущением смутного беспокойства. Лежал, не шевелясь, под простыней и тревожно прислушивался к себе. А уж когда дневальный гаркнул подъем и рядовой Леший, вопреки обыкновению, наравне со всеми скатился с койки, кинулся к своей тумбочке и принялся судорожно влезать в штанины, я окончательно осознал, что день нам предстоит необычный и непростой.

В строй мы с Лёхой стали одновременно.

— Чего это ты? — тихо спросил я.

— Не знаю, — с трепетом отозвался он. — Что-то предчувствие у меня какое-то...

Предчувствие, похоже, одолевало всех. Даже вышедший к нам старшина Лень и тот выглядел на этот раз не слишком самоуверенно.

— Отдохнули за месяц? — с нервной ехидцей осведомился он. — Жирок вокруг пупка завязался?.. Будем жирок растрясать.

И приступил к проверке.

— Ребята, что случилось? — шепнул я.

— «Дед» из отпуска вернулся, — прошептали в ответ.

— Какой «дед»?

— «Дед» Сапрыкин. Командир батареи...

О комбате мы с Лёхой были уже слышаны, хотя еще не видели ни разу. В отпуск он ушел в тот самый день, когда мы появились в дивизионе. Личность настолько легендарная, что воспринималась нами как какой-нибудь, я не знаю, фольклорный персонаж. Мифологический. Вроде того же лешего.

Кстати, прозвище «Дед» применительно к офицеру — верх уважения со стороны нижних чинов. Все равно что присвоенный поручику солдатский Георгиевский крест.

На общем построении я комбата хорошенько не разглядел. Такая возможность представилась мне лишь на огневой позиции. «Дед» был приземист и громоздок, как Вий. Из-под козырька офицерской фуражки виднелись крупный бугристый нос, жестко сложенные губы и нечеловечески широкий подбородок. Казалось, подведут сейчас к майору кого-либо в чем-то виноватого — и прозвучит глуховатый подземный голос: «Поднимите мне козырек...»

— Всем разойтись, кроме майского призыва...

И остались мы, девять салажат, перед таким страшилищем.

— Хрен знает кого уже призывать стали... — проворчал комбат. — Хро-мые, очкастые... — Чуть запрокинув голову, оглядел обмершую шеренгу. Взгляд его остановился на Лёхе.

— Рядовой Леший! — немедленно отрапортовал тот.

— Леший, говоришь?.. Что умеешь?

— Ничего не умею, товарищ майор!

Искренний ответ, но безрассудный. Хотя, похоже, комбата он даже позабавил.

— Ну а конкретно... Что именно не умеешь? В карты играть умеешь?

И я увидел, как рядовой Леший побледнел.

— Никак н-нь... Т-то есть... Так точ-ч... э-э...

— Два наряда вне очереди!

— Есть два наряда вне очереди! — с облегчением выпалил рядовой Леший.

* * *

Да уж, майор майору рознь. Это вам не Карapyш какой-нибудь. Впечатлил он меня. Сильно впечатлил. Что до Лёхи — тот был просто подавлен. Таким я его еще не видел.

— Слушай, по-моему, он меня расколол...

— Кто? Комбат?

— Ну да... Насквозь видит...

— Через козырек?

Крякнул Лёха, с досадой тряхнул стриженной башкой. Башка у него была, кстате, клиновидная, чуть сплюснутая с висков.

— И на хрен я соглашался? — горестно молвил он. — Глядишь, еще бы кто по той опушке прошел... развязал бы... Главное, сидит сейчас где-нибудь в забегаловке, пиво, небось, пьет, а тут за него...

И я наконец разозлился:

— Слышь! Лёх! Завязывай, да? Хватит уже, наигрались в лешего...

Он лишь печально покосился на меня и не ответил.

— Короче, ты! Цыган... — начал я с подковыркой.

— Я не цыган!

— Ладно, не цыган... Леший. А комбата надурить — слабó?

Лёха вздохнул:

— Надуришь такого...

— А чего он тебя про карты спрашивал?

— Ну так меня ж почему связали и бросили? — взвыл Лёха. — В карты я у них выиграл! А они говорят: мухлюешь!..

— Лешие?

— Лешие!

И я вновь восхитился, как он, зараза, выкручивается!

— На что играли хоть?

— На белок.

— А ты правда не мухлевал?

Помолчал, посопел:

— Да так... немножко...

И я даже сам не заметил, как вернулся в прежнюю колею.

— Слушай, — сказал я. — Вот ты говоришь: сидит пиво пьёт... Ну этот... настоящий Лёха Леший... Так он же теперь никто, получается! И звать его никак! Паспорта нет, прописки нет, на работу хрен устроишься... Два года скрываться? Нет, уж лучше отслужить...

— С таким комбатом? Ну на фиг...

— А долг Родине отдать?

— Да иди ты...

* * *

— Оу! Ты! Боец!

Чисто инстинктивно оправил ремень, обернулся. В курилке сидел рядовой Наумович, а рядом с ним стояло пустое оцинкованное ведро. Устремленный в мою сторону взгляд старослужащего показался мне сильно озадаченным.

Предчувствуя недоброе, приблизился я к курилке.

— Сядь, — велел Наумович и похлопал по доске.

Деликатно присел.

Рядовой Наумович — тоже «дедушка», но в отличие от рядового Горкуши куда более вменяем. Оба прокалывают иголкой дни в карманном календарике, оба считают, сколько осталось до дембеля, но чувства у них при этом, поверьте, совершенно разные. Горкуша — тот втайне сознает, что

дóма «на гражданке» ничего хорошего его не ждет, вот и упивается властью напоследок, а Наумович... Этот, пожалуй, попроще, понаивнее.

— Дружишь с Лешим? — отрывисто спросил рядовой Наумович.

— Дружу.

— И чего он?

— Н-ну... Леший.

Замолчал старослужащий. Надолго.

— Случилось что-нибудь? — осмелился я полюбопытствовать.

— Дал... ему... ведро, — тяжело преодолевая каждое слово, заговорил рядовой Наумович. — Послал к старшине... в каптерку... Говорю: принеси...

— Ведро сельсин-датчиков? — догадался я.

— Угу...

Извечная хохма наших «дедушек». У старшины Леня очень плохо с чувством юмора, зато очень хорошо с чувством собственного достоинства, так что посланному в каптерку салабону влетает всегда по первое число.

— И что?

— Принес...

— Ведро сельсин-датчиков?! — не поверил я.

Мрачный кивок.

— Как они хоть выглядят? (Меня это и впрямь сильно интересовало.)

— Так... хрень какая-то...

— И где они?

Клянусь, большего недоумения мне еще ни на чьем лице видеть не доводилось.

— Когда принес, в ведре были...

И мы оба повернулись к пустому оцинкованному ведру.

* * *

— Лёха! — прошипел я, поймав своего дружка за ангаром, где тот копал траншею. — Ты что, совсем нюх потерял?

— А что такое? — не понял он.

И я рассказал ему про Наумовича.

— Сегодня же всем растреплет! Не он — так старшина Леня!

— Да я к старшине и не ходил даже...

— Без разницы! Одного Наумовича хватит!.. Неужели нельзя было, я не знаю... память ему, что ли, отшибить?..

Лёха вогнал лопату в грунт, поморгал растерянно.

— Слушай, не догадался... — виновато промолвил он.

Эх ничего себе! Так он еще и память отшибать умеет?

ГЛАВА 3

— **З**начит, говоришь, ведро сельсин-датчиков? Комбат сидел посреди бытовки на табурете, уперев кулаки в колени, недвижимый, как идол. Облачен в галифе, сапоги и майку-алкоголичку. Глаза, по обыкновению, скрыты козырьком офицерской фуражки.

Я укоризненно покосился на Лёху. Леший он там, не леший, а смекалки солдатской — ни на грош. Взять ту же траншею. Зачем копал? Внуши сержанту, что траншея выкопана, — и все дела. Все равно потом закапывать!

Теперь вот с сельсин-датчиками. Слухи по дивизиону разлетаются мгновенно. Ничего удивительного, что о Лёхиных проказах «Дед» Сапрыкин уже был наслышан. Другое удивляло: затребовал к себе нас обоих.

Медленно, как орудийная башня, повернулся ко мне козырек.

— А ты... — сказал комбат и приостановился. Мне стало зябко. — Считай, что с сегодняшнего числа... Комсомолец?

— Никак нет, товарищ майор!

— Почему?

— Исключили, товарищ майор! Еще в институте!

— За что?

— За аморалку! На летней практике!

— С кем?

— Со старшей пионервожатой!

— А-а... Ну это... бывает... Словом, с сегодняшнего числа ты — мой заместитель по политчасти.

Умолк вновь. Не смея дыхнуть, мы ждали продолжения.

— Позвонили «комиссару». Из штаба округа, — скупое отмерил он информацию. — Едет к нам проверка.

Делать им нечего в этом штабе округа! Мы — строящийся дивизион, нам бы к осени третий капонир как-нибудь до ума довести, а они наглядную агитацию проверять! Знаем мы эти проверки. Снимут сейчас с бетонных работ всех заподозренных в художественном таланте — и сиди рисуй плакаты. Все спят, а ты рисуй. Потом наедет какое-нибудь вышестоящее существо, глянет мимоходом — и сгинет, после чего стенд снова станет крышкой теннисного стола, а изрисованную тобой бумагу (не ватман — он у нас был в дефиците) сорвут и отправят по назначению.

— Бытовка, — неумолимо продолжал комбат. — Бытовку — оформить, оборудовать. Красный уголок. График политзанятий.

А все Карапыш! Не заставь он меня тогда заняться живописью, глядишь, обошлось бы... Я с ужасом оглядел стрельчатые своды нашего тесного подземелья — бетонного закутка, ограниченного с боков монолитными стенами.

За левой (глухой) стеной таился дизель, за правой (с дверью) — кабина управления стартом.

— Товарищ майор, — отважился я. — А когда...

— Завтра.

— Това-арищ майор! Да как же я до завтра...

Усмехнулся:

— А я тебе помощника дам. Вот рядовой Леший... Чем не помощник?

— Так он же ни петь, ни рисовать!

— А и не надо, — успокоил «Дед» Сапрыкин. — Будет на подхвате.

Подержать, подсобить... сбежать куда... с ведром...

Услышав про ведро, я обмер. Намек был более чем прозрачен.

* * *

Да уж, выпала мне ночка. Вовек не забуду. Главное, знаешь же, что не успеешь в любом случае, а все равно, как говаривали в деревне, где я учительствовал полгода, из дресен вылазишь. Лёху я гонял вовсю (подай-принеси) и лишь стискивал зубы, чтобы лишний раз не обматерить закадычного своего дружка.

Разумеется, вы вправе спросить, ради чего я так упирался рогом. На подхвате-то не кто-нибудь, а рядовой Леший с цыганскими своими фокусами...

Ну а вдруг? Проверка-то — из штаба округа! Ладно бы свои! Даже если отведет им Лёха глаза... От чего отводить-то? От голых стен? Значит, что-то все-таки на стенах должно висеть...

Под утро я до того разнервничался, что разорвал пополам самый жуткий из плакатов, швырнул на пол и принялся топтать ботинками (летнюю полевую форму нам уже выдали). Лёха отобрал у меня оба обрывка, жалостливо на меня поглядывая, кое-как склеил истоптанное, прикрепил на место — и разорвать по новой не позволил.

Проверка нагрянула часам к двум.

В бывшую бытовку, а ныне красный уголок вошли с надменным видом человек пять незнакомых офицеров. За их спинами моталась исполненная отчаяния физия замполита. Судя по всему, наглядная агитация в прочих подразделениях дивизиона критики не выдержала. А нашу стартовую батарею, стало быть, приберегли напоследок как самую раздолбайскую.

— Встать! Смирно! — догадался подать команду Лёха.

Я встал. Поясница гудела. Башка — тоже. Мне уже было все равно, что со мной сделают за мои художества.

— Ну вот! — бодро воскликнул кто-то. — Можем же, когда захотим!

СОДЕРЖАНИЕ

Рядовой Леший	3
Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	40
Тихушники	47
Глава 1. Громоваица	48
Глава 2. Три Тихона	53
Глава 3. Теракт	59
Глава 4. Иоганн Себастьянович	64
Глава 5. Ночные беседы	69
Глава 6. Вице-мэр	74
Глава 7. Тезка	80
Глава 8. Сходка	85
Глава 9. Ночь в музее	90
Глава 10. Контора пишет	96
Глава 11. Иди и греши	102
Глава 12. Нелегал	109
Глава 13. Треплев с нами	114
Приблудные	121
Глава 1	122
Глава 2	129
Глава 3	137
Глава 4	144
Глава 5	150
Глава 6	158

Глава 7	163
Глава 8	169
Глава 9	174
Глава 10	181
Глава 11	188
Глава 12	194

РАССКАЗЫ

Эпидемия	202
Слуга царю, отец солдатам	211
Дождик-дождик, перестань	213
Пых — и там!	217
Испытуемый	238
Наваждение	250
Попаданс	261
В Новом Свете	268
Дурилка картонная	271
Засада	294
Воображалы	297
Жест доброй воли	307
Они тебя защитят	309

Литературно-художественное издание

16+

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН

ЭПИДЕМИЯ
Повести и рассказы

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ №

Издатель и Изготовитель: ООО «Феникс»
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, 150.
Тел./факс: (863) 261-89-50, 261-89-59.

Изготовлено в России. Дата изготовления: 08.2023.
Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, Ульяновская обл.,
г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.